

Глава 24. Зачем юности казаться зрелой

Двор был тих. Вся семья Лю отправилась на праздник, не оставив даже сторожа у ворот, словно не боясь, что воры могут забраться и всё обчистить.

Даже если не воры, то появление какого-нибудь злого духа — тоже дело смертельно опасное!

Цзо Юэшэн плюхнулся на ступени двора, одновременно мысленно ругаясь и ощупывая шею, чтобы убедиться, что голова всё ещё на месте. За его спиной была комната Цю Бодэна. Теперь Цзо Юэшэн наконец-то понял, кто принёс молодого господина Цю домой после событий в городе Фу... хотя сейчас он предпочёл бы этого не знать.

Полчаса назад, после судьбоносной фразы Лу Цзина о «трех фронтах», на всей улице воцарилась мёртвая тишина.

Лу Цзин, едва не спровоцировавший кровавую бойню, тут же снова рухнул и захрапел, оставив Цзо Юэшэна одного, застывшего в ужасе. А молодой человек медленно обвёл взглядом его и Лу Цзина, словно пересчитывая: один корабль, два корабля... и он сам — третий. Ага, три...

Убийственная аура резко усилилась, и Цзо Юэшэн почувствовал, как к его горлу приставили нож!

В мгновение ока Цзо Юэшэн вскинул руки и громко закричал:

— Молодой господин Цю и вы — идеальная пара, созданная небесами, остальные недостойны!

Невидимый нож замер.

Цзо Юэшэн, не моргнув глазом, продолжил ковать железо, пока горячо, и разразился потоком безумной лести. Он чуть было не добавил: «Когда вы, злодейская парочка, решите пожениться, мой Павильон Гор и Морей непременно поможет с организацией свадьбы»... Хотя это и было похоже на предательство друга ради спасения своей шкуры, он думал, что молодой господин Цю, будучи прекрасным и добрым, не станет обращать внимания на такие мелочи.

Ветер стих, листья опали. Молодой человек с Цю Бодэном на руках повернулся и пошёл в сторону дома семьи Лю.

Цзо Юэшэн, волоча за собой Лу Цзина, с замиранием сердца последовал за ними.

И вот теперь он сидел на ступеньках.

— ...Мама, я...

Лу Цзин, лежавший на земле у ступеней, перевернулся и что-то пробормотал во сне.

«Какая ещё мама!»

Цзо Юэшэн вздрогнул, быстро оторвал последний уцелевший кусок рукава от одежды Лу Цзина и плотно заткнул ему рот. Одновременно он напряг слух, с ужасом прислушиваясь к тому, что происходит в комнате за его спиной. Незвестный господин занёс молодого господина Цю в комнату и до сих пор не вышел.

За спиной было тихо.

Цзо Юэшэн вздыхал про себя, размышляя, стоит ли рискнуть и постучать в дверь.

Дело в том, что если молодой господин Цю и впрямь был влюблён в этого неизвестного — как утверждал Лу Цзин, — то всё, что они там делают, его не касается, верно? Но было очевидно, что молодой господин Цю сейчас пьян до беспамятства, и как его друг, он должен был о нём позаботиться! ...С другой стороны, Цзо Юэшэну было чертовски любопытно, кто же этот молодой человек, кто этот святой, у которого хватило смелости полюбить Цю Бодэна.

Хотя молодой господин Цю и был красив настолько, что можно было простить ему всю его внутреннюю гниль, но...

У этого парня, Цю Бодэна, всегда были проблемы с головой!

Собравшись с духом, Цзо Юэшэн решительно встал, намереваясь постучать.

Но как только он повернулся, дверь с треском распахнулась изнутри.

— А-а-а-а-а-а!

— Чего ты орёшь? — от его крика у Цю Бодэна заболели уши.

— Человек человека до смерти напугать может, молодой господин Цю! — Цзо Юэшэн, всё ещё не придя в себя, украдкой заглянул в комнату. — Эй? А где тот... кто-то?

— Ушёл.

— Ушёл? Через окно выпрыгнул? Неожиданно, — пробормотал Цзо Юэшэн, но тут же понял, что что-то не так. — Чёрт возьми! Ты не был пьян, так какого чёрта притворялся мёртвым?

— Если не притворяться мёртвым, как бы я узнал, что ты так мастерски продаёшь своих друзей? — лениво парировал Цю Бодэн.

Цзо Юэшэн тут же заткнулся.

Хотя он и молчал, в душе он был уверен, что молодой господин Цю просто смутился и злится.

Выражение лица Цзо Юэшэна было настолько очевидным, что Цю Бодэн, бросив на него один взгляд, понял всё.

Дело было не в смущении... На самом деле, пьян был только Ши Уло. Когда он, Цю Бодэн, прыгнул с дерева Фу, Ши Уло без колебаний последовал за ним и поймал его в воздухе. После этого тот, опьянев, начал вести себя странно: не говорил ни слова, но и не отпускал его. А притворяться пьяным... на самом деле он не притворялся, просто Ши Уло тихо сходил с ума от выпитого, а Цю Бодэну захотелось спать, вот он и решил подремать.

Но почему?

Почему он мог так легко уснуть, чувствуя лишь слабый аромат трав от человека, которого видел всего несколько раз?

Из-за смутного чувства чего-то знакомого или по какой-то другой причине?

Цю Бодэн не хотел больше об этом думать. Он спустился со ступеней и недобро уставился на храпящего Лу Цзина.

— Стой.

Цю Бодэн, словно у него были глаза на затылке, холодно бросил.

Цзо Юэшэн, который пытался незаметно удрать, замер с одной ногой в воздухе.

— Принеси холодной воды и вылей на него, — неторопливо сказал Цю Бодэн. — Играет на два фронта? На три фронта?.. Я вот хочу спросить, сколько кораблей вы мне за моей спиной уже приписали.

«Самое страшное случилось!»

Если Цю Бодэн узнает, что они не только за его спиной судачили о его «похождениях», но и собираются написать об этом целый роман и продать его на всех двенадцати континентах, то даже сам старик не сможет их спасти!

«Лу Цзин, одиннадцатый господин Лу, ты только держись под пытками молодого господина Цю!»

На следующий день.

Группа ждала у городских ворот прибытия старейшины, посланного владыкой Павильона Гор и Морей.

На самом деле небо ещё не посветлело. Они решили уехать так рано, чтобы никого не беспокоить. Раз уж они приняли участие в празднике, попрощались под звуки барабанов и хмельные тосты, то устраивать у ворот ещё одну сцену слёзного прощания было бы слишком наигранно.

В ожидании несколько наследников великих школ, зевая, клевали носом.

Лоу Цзян то и дело поглядывал на лицо Лу Цзина и, наконец, не выдержал:

— Ты что, вчера воровать ходил и тебя поймали и избили?

— Воровать-то не воровал, — Лу Цзин зевнул, но тут же поморщился от боли, когда синяки на лице натянулись. Он мгновенно проснулся. — А вот избили — это правда.

— Лу, ты герой! Лу, ты несгибаемый! — Цзо Юэшэн, у которого глаза ещё слипались, в полусне поаплодировал Лу Цзину. — Держись! Железный одиннадцатый господин!

Железный одиннадцатый господин дорого заплатил за свою молчаливость, и теперь его лицо напоминало палитру художника. Но его несгибаемость была вознаграждена: хотя Цю Бодэн и подозревал, что эти двое за его спиной провернули какое-то «великое дело», до правды о «Приказе о возвращении в сон» он так и не докопался.

Великое дело обогащения и прославления на весь мир не было «прервано на полпути».

Лоу Цзян: ...

Чем дальше эти наследники тусовались вместе, тем меньше он понимал, о чём они говорят.

— С ними-то ладно, — вздохнул Лоу Цзян. — Е Цан, а с твоей одеждой что случилось?

Лоу Цзян знал Е Цана и раньше.

В конце концов, Е Цан был другом, которого молодой господин павильона завёл после своего «изгнания» в город Фу. Каждый раз, когда Цзо Юэшэн попадал в неприятности и не хотел, чтобы Лоу Цзян его ругал, он прятался у Е Цана. Лоу Цзян даже тайно навёл о нём справки, чтобы молодой господин не связался с плохой компанией — хотя обычно «плохой компанией» был сам Цзо Юэшэн.

Раньше впечатление Лоу Цзяна о Е Цане было неплохим.

Он был добросовестным, упорным и настойчивым. Даже после изгнания из Ведомства городских оракулов он продолжал каждый день вставать до петухов и тренироваться. Сердце у него было доброе. Несколько раз, когда Цзо Юэшэн перегибал палку с мошенничеством, Е Цан заставлял его вернуть вещи... В общем, надёжный человек. Лоу Цзян даже думал, не предложить ли ему по окончании расследования вступить в Павильон Гор и Морей.

— А?

Е Цан, с мечом за спиной, стоял прямо, как сосна, и на фоне трёх пошатывающихся наследников выглядел настоящим образцом для подражания.

...Если не смотреть на его одежду.

Это был серый халат, который вызвал бы у любого портного приступ ярости. Рукава были разной длины, подол — спереди длиннее, сзади короче, плечевой шов напоминал ползущую сороконожку, а о стежках и говорить нечего... Любой подмастерье, который осмелился бы испортить ткань на такое «творение», был бы счастлив, если бы мастер не содрал с него кожу.

— Праотец-наставник сказал, что когда я вернусь в школу, шитьё школьной формы станет моей обязанностью, поэтому я должен усердно тренироваться уже сейчас, — серьёзно объяснил Е Цан.

...

Лоу Цзян хотел было сказать: «Он сказал, а ты и поверил?», но, вспомнив традицию учеников Тайи вырезать себе поясные таблички вручную, засомневался. Может, Цю Бодэн и не шутил.

— А почему у тебя такое лицо, будто ты на похоронах? — снова спросил Лоу Цзян, сдержавшись.

— Праотец-наставник также сказал, что отличительная черта учеников Тайи — это суровый вид, мало слов и отсутствие эмоций, — ответил Е Цан с каменным лицом, стараясь, чтобы его взгляд был таким же безжизненным, как у сухого дерева. — Говорить мало у меня пока не получается, так что он велел мне сначала научиться делать постное лицо.

Лоу Цзян: ...

Этого парня что, осёл лягнул в голову? Словам такого отъявленного повесы, как Цю Бодэн, даже если он и является маленьким предком-наставником Тайи, нельзя же верить на все сто процентов!

Е Цан, не моргнув глазом, продолжил:

— После вступления в Тайи на соревнованиях за звание первого ученика пика есть испытание «моральных качеств». Уважение к старшим и защита младших — это один из его разделов. Я хочу стать лучшим учеником Тайи, поэтому должен сначала стать первым учеником!

«Да ты станешь первым придурком, а не учеником!»

Слово «придурок» Лоу Цзян услышал от Цю Бодэна. Он не совсем понимал его значение и даже пытался найти его в словарях, но безуспешно. Но в этот момент ему показалось, что нет в мире слова более подходящего.

Когда старейшина Тао из Павильона Гор и Морей, посланный забрать знатных гостей и молодого господина, сошёл с летающей лодки, Лоу Цзян, словно получив амнистию, бросился к нему, кланяясь и приветствуя.

Старейшину Тао это так напугало, что он от неожиданности вырвал несколько драгоценных волосков из своей бороды.

Э-это Лоу Цзян?

Гении всегда немного горды, особенно такие, как Лоу Цзян, который в юном возрасте прошёл путь, на который у многих заклинателей уходят сотни лет. Обычно он был вежлив, но в его поведении всегда сквозила юношеская дерзость. К старейшинам он относился с «уважением», но без особого «почтения». Старейшины в частных беседах говорили, что хорошо, когда у молодёжи есть энтузиазм, но иногда им стоит полагаться и на них, стариков. Зачем в юном возрасте пытаться взвалить на себя небо и землю?

Зачем юности казаться зрелой?

Но сейчас Лоу Цзян встречал его чуть ли не со слезами на глазах. Старейшина Тао, будучи удивлённым, не мог не почувствовать лёгкого удовлетворения.

«Вот так-то лучше. Столкнулся с трудностями и наконец-то понял, что нужно обращаться за помощью к старшим!»

Старейшина Тао кашлянул, собираясь что-то сказать, но увидел, как Лоу Цзян вихрем пронёсся в каюту летающей лодки, бросив на ходу:

— Это те самые знатные гости, которых велел забрать владыка павильона. Дальше я передаю их вам!

<http://bllate.org/book/16967/1586230>